

CRIME & PRIVATE

анна
Данилова

ЛЮБОВНИЦА НЕ ПО КАРМАНУ

Она мечтала только о любви,
но любовь стала для нее проклятием...

Crime & private

Анна Данилова

Любовница не по карману

«Автор»

2012

Данилова А.

Любовница не по карману / А. Данилова — «Автор»,
2012 — (Crime & private)

ISBN 978-5-699-55555-0

Что делать, если молодая и красивая жена ждет ребенка от лучшего друга твоего взрослого сына, а самого этого друга ты убил при попытке ограбления? Дабы замести следы преступления. Григорий с сыном Аликом закапывают в подмосковном лесу труп Федора. Главное, чтобы жена Григория Зоя не узнала, что ее муж застрелил молодого любовника. В ее состоянии нельзя нервничать, это может быть опасно для ребенка. Над благополучной и счастливой в прошлом семьей Семеновых сгустились темные тучи. Григорий вне себя от отчаяния, он убил человека. Алик в шоке, он косвенно стал причиной трагедии, подставив и своего друга, и мачеху. Зоя не в силах забыть любимого Федора, который бросил ее и растоптал ее чувства. Но вскоре выясняется: в подмосковном лесу Семеновы закопали вовсе не Федора, а тот жив и здоров и в любой момент готов вернуться.

ISBN 978-5-699-55555-0

© Данилова А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

1. Следствие	5
2. Зоя	7
3. Алик	12
4. Григорий	16
5. Зоя	21
6. Алик	24
7. Следствие	28
8. Григорий	30
9. Зоя	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Данилова

Любовница не по карману

Ты не найдешь в ней совершенных линий,

Особенного света на челе.

Не знаю я, как шествуют богини,

Но милая ступает по земле.

В. Шекспир

1. Следствие

– Макс, Макс, постой, ты куда?!

Черный, присыпанный снегом, как сахарной пудрой, английский кокер-спаниель, ловко перепрыгивая через сугробы и тут же проваливаясь в них с головой, был исполнен какого-то своего собачьего охотничьего азарта и вдруг замер, скосив кофейные глаза и приняв себя. Затем он резко повернул свою маленькую красивую голову с отяжелевшими от набившегося в шерсть снега длинными ушами и посмотрел сквозь высокие с розоватыми стволами ели куда-то в глубь леса. После чего взвился в воздух и снова нырнул в пухлый снег, резво помчался вправо от лыжни, залиvisto лая...

Его хозяйка, девушка Маша, в голубом лыжном комбинезоне, осторожно скользя на новых лыжах по снегу, тоже остановилась, переживая за свою собаку. Компания, отдыхавшая в Пушкине в загородном доме, состоявшая из трех парней и четырех девушек, разбрелась по лесу, осваивая лыжню. Маша не любила лыжи, чувствовала себя на них очень неуверенно, и, если бы не глубокая твердая лыжня, не позволявшая ногам разъехаться в разные стороны, она бы уже давно изобразила несколько шпагатов и порвала бы себе все связки. Зато она любила Сережу, своего однокурсника, он обещал приехать позже и научить ее более уверенно держаться на лыжах. Вот ради него она и согласилась в который уже раз принять в своем доме целую ораву любителей отдохнуть за чужой счет: все знали, что здесь всегда можно найти запасы хорошей выпивки и консервов.

Родители Маши редко наведывались в Пушкино, обычно семейство переезжало туда в апреле и проживало до первых заморозков. В зимние же месяцы они предпочитали отдыхать в теплых странах. Поэтому дом в холодное время года стоял пустой и, если бы не наезды Машиных приятелей, окончательно вымерз бы. А так каждые выходные ее друзья-студенты хорошо его протапливали, в большой кухне готовили еду, в комнатах спали, ели, танцевали, играли в карты и нарды, курили, смотрели телевизор, любили, жили...

– Макс, Макс, вернись!

Маша понимала, что пойти на лыжах следом за собакой она не сможет – непременно упадет и будет выглядеть довольно-таки смешно и глупо в глазах своих друзей. Она решила отстегнуть ботинки, убрать лыжи с трассы и последовать за Максом. Откуда-то неподалеку доносился его громкий нервный лай.

Проваливаясь по колено в сугробы, Маша миновала первый ряд высоченных елей, пытаясь увидеть в надвигавшихся сумерках свою собаку. И буквально через пару минут она увидела рядом с черной фигуркой Макса еще одну собаку – худую, рыжую, с отвисшими сосцами. Это вокруг нее прыгал, облаивая ее со всех сторон, храбрый кокер.

Маша еще раз позвала Макса, тот, виляя хвостом, на минуту подбежал к ней и тотчас вернулся к своей рыжей пленнице. Бедная голодная собака смотрела на непрошенных гостей испуганными желтыми глазами.

– Ну что ты здесь нашел? Не видишь разве, это ее территория... Оставь ее в покое и давай вернемся, Максик... – Маша подошла поближе и ласково потрепала Макса по гладкому, холодному, атласному лобику. – Видишь, у нее здесь что-то зарыто... Может, хлеб или еще что-нибудь... Пойдем домой, у меня для тебя там целая баранья лопатка лежит... Макс, ну!

Но обычно послушный Макс внезапно вновь кинулся к рыжей собаке, и та вдруг зарычала, верхняя ее губа некрасиво задралась, показав острые белые передние зубы. Маша похолодела. Она с детства боялась собак, и единственное существо этого вида, к которому девушка сумела привыкнуть, был ее Макс.

А через несколько секунд она закричала так, что снег посыпался с густых еловых лап... Под снегом, в куче разрытой земли, виднелась человеческая голова, обтянутая полусгнившей вязаной шапкой с прорезями, сквозь которые смотрела, казалось, сама смерть...

Спустя время вокруг обнаруженного Машей трупа собрались все лыжники. Приехала и полиция. Маша, судорожно подрагивая плечами, продолжала таращиться на извлеченное из-под мерзлой земли тело...

Старая нейлоновая грязно-белая куртка с искусственным мехом, зеленая с белым орнаментом вязаная шапка...

Позже, когда приехавший из Москвы следователь, не старый еще, симпатичный, с серьезным лицом мужчина, уютно расположившись в доме, в кухне с чашкой горячего кофе в руке будет допрашивать всю компанию, записывая их показания, Маша так и не решится сказать ему, что где-то она уже видела и эту куртку, и эту шапку...

2. Зоя

Я ничего не знала. Совсем. Да мне бы и в голову такое не пришло – что я принесу в этот дом несчастье! Я тогда жила хорошо, очень даже хорошо, совсем не так, как раньше. Но прошлое все равно не оставляет меня, оно меня преследует, цепляет и порою не дает мне возможности выспаться. Хотя у меня теперь прекрасная новая кровать и красивое постельное белье. Я сама выбирала его. Не знаю, кто как, а я люблю, чтобы белье было белым, я уверена, что люди, заявляющие, что они любят цветное белье, на самом деле просто ленятся чаще его стирать. Белое белье – это красиво. Люблю кружева, но это уже дело вкуса. Мой муж, Григорий, говорит, что кружева жесткие, а он, Григорий, – очень нежный. Он шутит, и мы смеемся. Мы вообще много с ним смеемся. С тех самых пор, как познакомились. Алик, его сын, говорит, что не узнает своего отца, иногда ему кажется, будто это совсем другой человек, и в такие минуты мне становится очень грустно, словно Алик упрекает меня – мол, это я виновата в том, что его отец так сильно изменился. В понимании этого мальчика – а ему уже, правда, все двадцать лет – отец его изменился в худшую сторону. Иначе зачем бы ему говорить об этом мне, да еще и с таким выражением лица – мол, это ты тому причиной и стала, из-за тебя я не узнаю своего отца, его будто подменили. Могу себе представить, каким он был раньше. Да Григорий и сам мне рассказывал, что он никогда не был таким веселым и счастливым, не говоря уже о том, что это счастье ему принесла я. Что он никогда не спал в обнимку со своей прежней женой, матерью Алика. И вообще не знал, как это можно – спать без пижамы, обнявшись, причем всю ночь, то есть замереть в любовной позе на несколько часов, слившись воедино с телом женщины. Да и спал он раньше на узком диване. Правда, под очень теплым одеялом. Думаю, он все-таки мерз, пока не встретил меня. И душой, и телом. Никто не знает и не узнает, что для удобства я сшила вместе два полутораспальных пуховых одеяла – получилось трехспальное, чтобы нам было удобно на новой широкой кровати. Я и пододеяльник заказала специально для этого одеяла. Может, кто-нибудь подумает, что я слишком много внимания уделяю постели, но я-то знаю, как все это важно, как и многое другое, что на первый взгляд кажется мелочами. Но все эти кажущиеся мелочи на самом деле выстраданы мною: у меня имеется опыт супружеской жизни, богатый, но нехороший, то есть этот опыт-то, может, и хороший, да вот мои другие «опыты» с мужчинами были весьма неудачными. А если еще точнее, мужчины были не те. Хотя я – по-своему, как мне казалось тогда, – любила их.

Многие женщины на первый взгляд внешне ведут себя так, словно у них и был-то всего лишь один мужчина, но вы им не верьте: у каждой в жизни всегда был (или будет) один или много тайных любовников. Это мужчины не умеют маскироваться, а женщины в этом деле преуспели: они хитрые, умные и не высовываются, не хвалятся своими связями. Каждая женщина хочет, чтобы ее любил не один мужчина, чтобы ею восхищались все. И иногда ей мало этих восхищенных взглядов, ей нужно, чтобы мужчина непременно признался ей – она очень хороша, соблазнительна, он хочет ее, а это для любой женщины важно. А как можно такое сказать, если не на ушко, прижавшись к этой женщине? Вот так и появляются любовники. Разные. И совсем еще мальчики, которых приходится всему учить, старые, морально убитые своим мужским бессилием, но желающие того, чтобы их тоже любили, ласкали. Такие мужчины платят за чувства, и это, я считаю, правильно.

Если меня спросить, каких любовников лично я предпочитаю, я растеряюсь, потому что не знаю ответа. Я вообще люблю мужчин, и это несмотря на то, сколь много неприятностей они мне доставили. Да что там неприятностей, это еще мягко сказано! Мои мужчины не стеснялись при мне выражаться, они лупили меня... никто не знает, что у меня в туалетном столике всегда лежал тюбик со специальной крем-пудрой, которой я маскировала свои синяки. И почему-то все, кто поднимал на меня руку, норовили ударить меня именно в лицо, а то и в

глаз. Глаза. Уж не знаю почему, но все они считали, что у меня бл...ские глаза. Думаю, они у меня красивые, и мужиков это просто злило. Меня всегда сравнивали с одной русской актрисой, но я стесняюсь назвать ее имя, потому что она – женщина благородная, наверняка честная и порядочная, просто у нее глаза – волшебные, бархатные. Скажу только, что она играла Аксинию в известном фильме.

...Не могу не думать о том человеке. О том, что он, вернее, его тело лежит в лесу, зарыто в земле. Что его закопали, как собаку. Но я не имею права осуждать Гришу, потому что на его месте мог оказаться любой другой человек. Даже я. Если бы у меня был пистолет!.. Поэтому мы все должны молчать. Чтобы не погубить себя, не нарушить наши жизни. Не потерять свободу. Хотя я теперь уже и не представляю, что будет, когда я вернусь... Но решение уже принято. Я почти упаковала вещи, осталось положить лишь мое вязанье, с которым я не расстаюсь. Думаю, я вяжу, чтобы успокоить нервы.

Да, мы действительно жили хорошо. Просторная московская квартира, по-настоящему большая, с широкими белыми, наполовину стеклянными дверями, с оранжевым паркетным полом – все, как я люблю. Вытертые ковры мы сразу же поменяли. Я предложила, а Гриша согласился, сказал, что и сам подумывал об этом. Мы вообще многое поменяли в квартире, сделали ремонт. Кому-то не нравится, когда в квартире идет ремонт, но только не мне. Ремонт – это начало новой и какой-то другой, чистой, обновленной жизни. Запах краски – прекрасный запах перемен. И очищения.

О чистоте... У меня есть знакомая женщина-психолог. Мы с ней иногда встречаемся на улице или в магазине, она живет в нашем доме. Одинокая, с ней всегда приятно поговорить. Правда, иногда мне кажется, что я злоупотребляю ее добротой, она ведь должна отдыхать после своей работы, а я грузю ее своими мелкими проблемами. Мне порою даже хочется ей денег дать, заплатить за то, что она выслушивает меня, разговаривает со мной... Думаю, надо ей подарить какую-нибудь вазу, но не хрустальную, более дорогую – японскую, с ручной росписью...

Так вот, однажды я ее спросила, как можно охарактеризовать человека (то есть меня), который любит проводить время в супермаркетах, в отделах бытовой химии. Вот честно, умираю: люблю покупать чистящие средства, всяческие вещества, чтобы отчистить, отбелить, вымыть все до блеска. Люблю покупать мыло, шампуни. Может, это происходит оттого, что мне до сих пор хочется очиститься от моих прежних браков, от тех мужчин, с которыми мне пришлось жить? Я спросила об этом Марту (так зовут эту женщину-психолога), и она, улынувшись, как-то очень осторожно сказала, словно боялась меня обидеть, – да, действительно, я как бы хочу от чего-то очиститься. Но не от грязи, а именно от воспоминаний, а может – тут она понизила голос и отвернулась от меня, – и от мыслей...

Думаю, она попала бы в самую точку, если бы этот разговор происходил несколькими месяцами раньше, когда мысли мои были не то что грязными, но просто недопустимыми, это точно. Сейчас же я чиста и невинна, как младенец, живущий глубоко во мне. Я знаю, что об этом никому не известно. Даже людям, приютившим меня, да им пока ничего не нужно знать. Я исправно плачу им деньги за их старый дом, в котором живу, кроме того, я покупаю у них молоко и яйца, а это для них тоже польза.

Но тогда, в той московской квартире, повторяю, я чувствовала себя совершенно счастливой. Если только не считать, что Алик страдал. И я об этом знала, но ничего не могла поделать. Не могла же я из-за него, из-за его эгоизма и неприятия меня, мачехи, бросить Гришу? Я любила Гришу. Очень. Старалась полюбить и Алика.

Алик красивый, очень красивый мальчик. Он похож на свою мать, черноглазую красавицу с черными кудрями. Я много раз натыкалась на ее фотографии, когда только перебралась

к Григорию. Это были запыленные, вставленные под стекло портреты или альбомные снимки. Она везде была какая-то напряженная, серьезная, чуть ли не торжественная. Работала всю свою недолгую жизнь (она умерла, когда ей было всего тридцать пять, и с тех пор Гриша больше в брак не вступал) в метро кассиром. Думаю, она была такой серьезной потому, что всегда боялась обсчитаться, что-то напутать с деньгами. Гриша говорил, что она даже во сне считала, с кем-то спорила о деньгах. Видимо, была очень ответственной женщиной. Лучше бы она на станке работала, как робот, тогда, глядишь, и спала бы спокойнее. Хотя, может, в силу своего характера она бы вскакивала посреди ночи и пыталась бы включить какой-нибудь рычаг... Когда я думала об этом, мне всегда хотелось смеяться.

Нет, я не испытывала к покойной жене Гриши никаких чувств. Она никогда не была моей соперницей. Разве что она была матерью Алика и он любил ее, а не меня. Первое время, пытаясь представить себе, как сошлись, что их связывало и как жили вместе Гриша и его жена, я думала, что они были просто созданы друг для друга. Он был таким тихим и неразговорчивым, ученым человеком, работал в своем институте, где руководил крупной лабораторией, что-то там изобретал, патентовал, собирая под свое крыло талантливых, как и он, единомышленников, зарабатывая при этом неплохие деньги и совершенно не умея их тратить. Очень скромный, интеллигентный человек, каких уже мало осталось. Да, мне просто повезло, когда я встретила его.

Встреча. Такое нарочно не придумаешь! Вот говорят же – зализывать раны. Это как раз обо мне. После очередного неудавшегося гражданского брака, когда я, держась, что называется, за живот, вышла из абортария и была готова рухнуть от боли и слабости прямо на тротуар, меня и подобрал этот добросердечный милый человек. Распахнул передо мной двери своего прекрасного черного джипа. Как я потом узнала, на эту сногшибательную покупку его сподобил Алик, обожавший отца и считавший своим долгом подсказать ему, как надо жить и на чем ездить. Он самым простым человеческим языком (я всегда думала, что богатые люди изъясняются как-то по-другому, более вычурно, что ли, хотя, конечно, глупости все это, просто у меня никогда не было богатых мужчин) предложил подвезти меня. Это уже потом он мне признался, что влюбился в меня с первого взгляда. Что я тогда была необычайно красива, трогательна, бледна и все такое прочее. Он обратил внимание на мои черные глаза, на их страдальческое или даже трагическое выражение, словом, он увидел во мне красивую и вместе с тем очень слабую и одинокую женщину, нуждающуюся в помощи. Я спросила его потом, почему он решил, будто я одинокая, и он ответил, что просто почувствовал это. Словом, я села в машину, и он спросил, куда меня подвезти. И тогда я, утратив самообладание, просто растерялась... Знаете, на меня нахлынули все чувства разом – и обида, и жалость к себе за то, что я так беспутно прожила лучшие годы своей жизни, что у меня нет ни квартиры, ни денег, ни работы... Словом, все это вдруг навалилось на меня, и я разрыдалась, скорчившись от боли – душевной и физической, – на заднем сиденье его машины. Он, бедный, тоже так растерялся, что даже машину остановил, открыл дверцу, пересел назад ко мне, обхватил меня за плечи и начал успокаивать – мол, все будет хорошо. Он ничего тогда обо мне не знал. В сущности, он и сейчас мало что знает. Разве что у меня был неудачный брак и муж поколачивал меня, не позволял мне работать, изводил своей ревностью и считал меня своей собственностью...

Хозяин джипа назвался Григорием и сказал, что он готов помочь мне. Сначала он поселил меня в одной квартирке, думаю, это была служебная площадь, где останавливались командировочные, приезжавшие в Москву по делам его лаборатории. Чистая небольшая квартира, скорее напоминавшая домашнюю гостиницу. Две комнаты, вдоль стен узкие, застеленные клетчатými одеялами кровати. Маленькая кухня с холодильником, в котором, кроме соков и минеральной воды, были еще водка и мартини. Гриша привез меня туда, показал, где можно взять чистые полотенца, халат, мыло. А сам поехал за продуктами. Вернулся, когда я, уже вымывшись, в мужском черном халате, свернувшись калачиком, лежала на одной из кроватей, укрыв-

пшись одеялом, и потихоньку поскуливала. Боль не отпускала меня. Говорят, что после первого аборта у многих женщин не может быть детей. У меня же всегда было наоборот. Беременею я, как кошка. Разве что не рожая – не для кого. А в одиночку мне ребенка было не потянуть. Мысль о том, что у меня может быть ребенок, всегда казалась мне тенью какой-то немислимой роскоши. Я не понимаю женщин, рожающих на свой страх и риск, не имея нормальных материальных возможностей. Пожалуй, живя в постоянном страхе – что я окажусь на улице без всяких средств к существованию, – я на подсознательном уровне не желаю такой же судьбы своему ребенку. А детей я всегда хотела. Очень.

Я быстро поправлялась. Душевная рана моя затягивалась, на теле не осталось уже почти ни одного синяка – отметин моей прошлой жизни. Я как бы затаилась в ожидании чего-то нового, но чего именно – я тогда еще не знала. Мне казалось, что такой солидный господин, каким я видела Григория Семенова, не может не иметь семьи. Я была уверена, что у него есть жена, холеная женщина, тоже очень интеллигентная, воспитанная, умная, и она поджидает его по вечерам с ужином, с приветливой улыбкой на лице. Рисовала в воображении картины его семейной жизни, пыталась ненавязчиво узнать о нем как можно больше.

Но Гриша был человеком неразговорчивым. Он приходил, приносил продукты, лекарства, сидел со мной – подолгу, взяв за руку, иногда произносил осторожные и очень нежные комплименты насчет моих глаз, рук, плеч... Все чаще он стал приносить мне новые вещи – свитера, юбки, брюки, даже угадал с размером зимних ботинок. Стояла зима, за окнами завывала метель, а мы сидели за столом в тесной казенной кухне, пили чай и тихо разговаривали – ни о чем и обо всем одновременно. Я чувствовала, что нравлюсь ему и он приходит ко мне не столько из жалости, сколько из желания видеть меня, разговаривать со мной, просто быть рядом. Он был влюблен, я читала это в тоне его голоса, которым он обращался ко мне, в его взглядах. Прежние мои мужчины не церемонились так долго, они укладывали меня в койку уже в первый же вечер. Григорий же не позволял себе ничего лишнего.

Я и от водки, бывало, не отказывалась, но больше всего любила виски и мартини. После виски у меня никогда утром не болела голова, а мартини я любила из-за его аромата, мне казалось, что это самый благородный и прекрасный женский напиток на свете. Это уже позже Григорий приучил меня пить за обедом французское розе.

Еще девочкой, когда мы с матерью приехали в Г., спасаясь от моего пьяницы-отца, я узнала вкус вина. В доме, где мы снимали две комнаты, хозяйка занималась виноделием. У нее в подвале имелся еще один подвал, точнее, погреб, вырытый очень глубоко, очень просторный, выложенный красным кирпичом. Мы с мамой однажды, когда хозяйка уехала в город к сыну, взяли фонарь, спустились в подвал, открыли большим ключом вход в винный погреб, включили лампу и осмотрелись. Большие, дубовые, очень старые бочки; новенькие бочонки, запыленные, словно посыпанные сиреневой пылью; разнокалиберные бутылки с вишневкой, сливовым вином, домашним шампанским... Хозяйка потом сказала, чтобы мы не стеснялись и пробовали ее вино. Она делает его не столько из-за того, чтобы пить, ей нравится сам процесс изготовления. Я тогда не поняла ее совершенно. Не понимала, как можно любить возиться с этими ягодами, тратить столько сахара, чтобы потом не пить? Я-то в детстве вообще воспринимала вино как прокисший сок или компот, да я и сейчас мало что понимаю в его вкусе, но тогда, в то время, когда мы жили в Г., зимой, когда было холодно и тоскливо и мама плакала, мне так иногда хотелось выпить вина, красного, со сладкой розовой пеной, и согреться, лечь рядом с мамой, обнять ее, такую теплую, и тоже поплакать вместе с ней.

Мне было двенадцать, когда отец умер. Уснул пьяный на улице, замерз и умер. О нем никто больше и не вспоминал. Все знали, что он горький пьяница, что он приучил к выпивке мою мать, которая после его смерти пошла по рукам. Она жила то с одним его другом-приятелем

лем, то с другим, а меня подбрасывала тете Оле, своей сводной сестре. Но сестра потом уехала с мужем в Днепропетровск, а квартиру продала. И тогда моя мать отдала меня в интернат. Я была уже взрослой, все понимала. Ясное дело, я ей мешала. Она все хотела как-то устроить свою личную жизнь, в моменты просветления пыталась завязать, находила деньги, чтобы вылечить своего очередного сожителя, кодировала то одного, то другого, но все они срывались, напивались, и на маму наваливалась депрессия, которую она глушила дешевыми спиртовыми аптечными настойками. Где бы они ни жили, в кухне, в мусорном ведре, всегда можно было увидеть пустые пузырьки из-под этих настоек – боярышника, календулы...

Об интернате я вообще стараюсь не вспоминать. Думаю, я там и испортилась. Заразилась какой-то неизлечимой болезнью, которую я про себя называла несчастьем. Я больше никогда не бывала счастлива. Никогда – до встречи с Григорием.

3. Алик

Это я предложил ему закопать тело в лесу. Так делают почти все, кто хочет избавиться от трупа. Когда тыходишь в лес и тебя обнимает плотная тишина, а под ногами мягко от толстого слоя листьев, то кажется, что это совершенно гиблое место и что в лес-то никто и никогда не зайдет – что там делать, кругом одни деревья и нет даже тропинок... Поэтому и роют глубокую яму, сбрасывают в нее тело и присыпают его черной влажной, жирной землей. И могилу эту потом заваливают сухими сучьями. Маскируют.

Конечно, можно долго рассуждать на тему морали, но разве человека вернешь – он все равно не воскреснет, поэтому главным для нас тогда было спастись самим.

Я не знаю, откуда у него этот пистолет, но я много раз видел его раньше. Он спокойно лежал в ящике письменного стола. Не знаю уж почему, но пистолеты, законное оружие (а о том, что у отца на него есть разрешение, мне тоже известно), почему-то чаще всего лежат именно в письменном столе. Среди важных документов. Как что-то очень важное, имеющее особую ценность. Я никогда прежде не прикасался к нему, меня пугала мысль, что я могу оставить на нем отпечатки своих пальцев. Мало ли кто потом воспользуется им, разные ведь ситуации случаются в жизни. Знаю, что и отец редко брал его в руки. Разве что когда хотел показать пистолет кому-нибудь. Хотя не могу припомнить, кому и при каких обстоятельствах он мог похвастаться, что у него есть оружие. Но в моей памяти остался один разговор. Кажется, к отцу пришел коллега и пожаловался, что в его загородный дом пробрались воры. Причем не простые воры, а явно какие-то отморозки, которые все вокруг били, крушили... Возможно, это были наркоманы или просто бандиты-уголовники. Коллега предположил, что, если бы в доме в тот момент находилась его семья – жена и двое маленьких детей, – их бы точно не пощадили. И после этого случая приятель моего отца купил пистолет. Настоящий. Понятное дело, он получил разрешение на ношение оружия. Когда отец спросил его, чувствует ли он себя более защищенным, тот с уверенностью ответил, что да, чувствует, и что пистолет постоянно при нем. Я хорошо запомнил этот разговор, хотя был еще мальчиком. Помнится даже: я представил, что и в нашем доме тоже есть пистолет, и, если вломятся бандиты, я выхвачу его и выстрелю. В упор. Меня тогда меньше всего мучил вопрос: имею ли право я, мальчишка, стрелять в вора и бандита? Хотя я усвоил, что у взрослых обязательно должно быть разрешение на ношение оружия.

Мечтал ли я иметь личное оружие? Нет, мне больше нравились велосипеды, самокаты, роликовые коньки. И все это у меня всегда было. В избытке. Я никогда не страдал от нехватки вещей, как некоторые мои сверстники, которым родители не в состоянии были купить все это мальчишеское богатство. Отец никогда и ни в чем мне не отказывал. Он всегда понимал меня, но главное – он меня любил. И я чувствовал это. Особенно важным это стало для меня после того, как умерла мама. Она ушла так неожиданно – просто заболела и быстро умерла. В день ее похорон у нас в доме было много народу, в основном женщины, такие же, как и мать, касирши из метрополитена. Простые и душевные. И все говорили об одном и том же – что если бы она вовремя показала врачу, осталась бы жива, ей сделали бы операцию, вырезали что-то, думаю, речь шла о гинекологической операции. Все они сетовали на свою занятость, ни у кого, мол, нет свободной минутки на себя, чтобы просто сходить к врачу обследоваться. Это могут себе позволить лишь богатые бездельники, у которых вагон времени. И в то же время они вспоминали о смерти одной актрисы, умершей в декабре, молодой и красивой, ушедшей из жизни от этой же болезни («Знаете, это слово лучше вслух не произносить, чтобы не накликал беду...»). И деньги у актрисы были, и время, и поклонники, и все равно – она так и не собралась, не показала врачу. Она поняла, что больна, когда наступила уже последняя стадия.

Мама умерла, и в квартире стало очень тихо. У нас и прежде было очень тихо, потому что родители целый день были на работе, но эта тишина была какой-то другой, печальной и очень глубокой. Иногда мне казалось, что мама где-то рядом, в своей комнате, что-то шьет или штопает. Она любила штопать носки, и это при том, что у нас всегда были деньги и она могла бы покупать носки хоть каждый день. Думаю, она штопала их в силу своего воспитания и внутренней организованности. Она и на работу-то ходила не из-за денег, а для порядка, просто чтобы трудиться. Она очень любила порядок и считала вполне естественным – если вещь потерлась, ее следует заштопать, но не выбрасывать. Возможно, так делала ее мать или бабушка, а она, еще девочкой, наблюдала за ними и мысленно тоже вместе с ними что-то штопала, зашивала. У нее была большая деревянная шкатулка с нитками и иглами. И в этой коробке, как и вообще в нашем доме, царил идеальный порядок. Разноцветные мягкие нитки-мулине лежали ровными рядами, катушки с простыми нитками были выстроены вдоль отделения для ножниц, иглы были вколоты в круглую бархатную маленькую подушечку... И мы с отцом знали, что если и есть на земле место, где всегда царит порядок и все разложено по своим местам, так это наш дом. Причем это никогда не носило какого-то болезненного характера, как об этом любят рассуждать психологи. Все было очень просто и естественно, и мы с отцом принимали и поддерживали мамину философию. Мы помогали ей в этом. Помнится, однажды отец сказал мне, что порядок необходим не только в вещах, но и в мозгах, в душе. Думаю, он прав. Вот только разложить по полочкам выглаженное белье мне до сих пор проще, чем навести порядок в своей душе. Там у меня царит настоящий хаос. И я ужасно боюсь, что отец заметит это, поймет...

После смерти мамы мы с отцом всеми силами пытались вести себя так, словно она жива, то есть старались не нарушать маминого порядка. По очереди делали уборку, я взял на себя обязанность гладить белье – я прежде никогда этого не делал, глажка всегда казалась мне наименее интересным и бесполезнейшим занятием на свете. Готовили мы с отцом вместе по вечерам. А в выходные дни пытались печь пироги или жарить оладьи. Но тесто не поднималось, все было невкусным, пресным, неудачным... Думаю, мама – если она наблюдала каким-то волшебным образом за нами – очень расстраивалась, видя наши безуспешные попытки жить по-прежнему.

Отец все больше уходил в работу. Он и так-то был очень увлечен ею, но теперь, как мне казалось, он старался еще больше времени проводить в своей лаборатории. Мне тоже не хотелось вечерами находиться в квартире одному. И я искал утешения в объятиях своих подружек. Мне хотелось ласки, которой я недополучал, когда мама была еще жива (мне стыдно говорить об этом, но мама редко меня обнимала, редко говорила ласковые слова, ей куда важнее было вкусно накормить меня, дать мне денег на очередной велосипед или компьютер). Стоит ли объяснять, как мне стало холодно после ее ухода! В силу невозможности привести подружку к себе домой, поскольку это нарушило бы и без того наш с отцом сломанный жизненный уклад, я мог до утра находиться с девушкой в какой-нибудь частной гостинице или на чужой даче (на свою я никого повезти не мог – там все напоминало о маме). Позже я нашел на Маяковке недорогую квартиру и снял ее втайне от отца. Девушки хотели от меня любви, страсти, я же, раненный чувством утраты, искал у них элементарного человеческого и физического тепла. Мне нравилось спать, обнявшись с девушкой, под одним теплым одеялом.

Огромное пуховое теплое одеяло сшила из двух одеял Зоя.

Зоя – женщина моего отца. Новая женщина. Теперь уже жена. Он привез ее к нам, такую испуганную, с осторожным взглядом, и она несколько минут стояла в нерешительности на пороге. Ясно, что она испугалась меня – кого же еще! Знала, что я не обрадуюсь ее приходу, подумаю, что нас всех, возможно, ожидают нелегкие времена. Она много пережила, это я понял сразу, как только увидел ее. У нее был такой взгляд – взгляд много пережившей женщины. Молодая, но уже успевшая хлебнуть горя. Я и сам не могу объяснить, почему я все это так четко

понял. Она была не уверена в себе, шарахалась первое время от меня, пряталась в спальне и покидала ее, думаю, лишь когда я уходил из дома.

Она очень красивая, но не знает об этом. Думаю, ей этого никто не говорил, кроме моего отца. Если бы она знала об этом, то не жила бы с моим отцом. О таких говорят, что у нее занижена самооценка. У нее она вообще ниже плинтуса.

У нее белая кожа, черные брови и очень черные глаза. Ей около тридцати лет. Будь она постарше, нас могли бы принять за мать и сына. Странно, но я чувствую, что похож на нее. Моя мать тоже была брюнеткой, у нее были роскошные черные волосы, и глаза тоже черные, глубокие. Но Зоя совсем другой типаж. У нее теплая красота, и черты лица более нежные, чем у моей матери. Она худенькая и вместе с тем какая-то округлая, изящная и очень нежная. Когда я в первый раз увидел, на кого отец променял мою мать, внутренне взбунтовался, мне стало больно. Ведь Зоя была воплощением самой жизни – в то самое время, как кости моей матери тлели в могиле! Меня раздирали самые противоречивые чувства. Если бы я встретил Зою в другом месте и при других обстоятельствах, я захотел бы, чтобы она была моей. Взял бы ее за руку и повел за собой. Сделал бы все в точности так, как и мой отец, когда он встретил ее. Но все получилось по-другому. И я злился на себя из-за того, что испытывал к Зое и страсть, и ненависть одновременно. Внешне я всегда демонстрировал ей свое пренебрежение. Знал, что она страдает, но все равно не мог вести себя иначе. Пусть отец думает, что я ревную ее к нему, отношусь к ней как к дешевой замене моей матери, страдаю оттого, что кто-то занял место мамы в сердце и в жизни отца. На самом деле все было не так. Я ревновал Зою к отцу как к мужчине! Мне невыносимо было знать, чем они занимаются в спальне. Это одеяло, огромное... Она при мне сшивала его из двух пуховых одеял, сидя за столом в гостиной. Швейная машинка моей матери покорно строчила ровный шов, соединяя два одеяла, как будто соединяя судьбы моего отца и этой женщины. Мне невыносимо было видеть ее, сидевшую на том месте, где еще недавно сидела мать – она то шила занавески для гостиной, то подрубала новые вафельные кухонные полотенца, то подшивала мне джинсы, моя мама...

– Алик, познакомься, это Зоя. Она будет жить с нами. Со мной.

Если бы когда-нибудь кто-нибудь посмел мне сказать, что отец приведет в дом другую женщину и произнесет эти слова, я бы плюнул этому человеку в лицо. В нашем доме не должен был появиться чужой человек! Это была наша семья, наша жизнь и наша квартира. Так думал я до появления Зои.

А она в первый же день приготовила борщ. Из кухни, где она колдовала над кастрюлей, доносились забытые звуки: звяканье посуды, постукивание острия ножа о деревянную доску, хруст разрезаемой капусты, мягкий, войлочный звук домашних тапочек, шуршавших по паркету... А потом по квартире поплыл аромат мясного бульона и свежего укропа. Я боялся признать себе, что с появлением Зои наш дом ожил. Он задышал, заволновался, наполнился свежим воздухом, миллионами самых разных живых запахов и ароматов, звуками, движением, светом!..

Но я решил: отец не должен знать о том, что я в душе обрадовался появлению Зои. Его чувство вины придавало мне сил. Мне тогда казалось, что я сильнее отца. Во всяком случае, я всячески пытался продемонстрировать ему, что правда на моей стороне и что он предал маму. Быть может, позиция такая была выгодна мне – хотя бы потому, что под маской обиженного на весь мир сироты я прятал свое зарождавшееся чувство к Зое. Надо сказать, я довольно-таки талантливо играл роль сына, которого предал собственный отец. Чего стоили одни только взгляды, которые я бросал на своего отца! Правда, иногда мне хотелось прекратить эту бессмысленную игру, подойти к отцу, крепко обнять его и сказать ему на ухо: «Я с тобой, старик! Я все понимаю».

И я действительно все понимал. Мне как-то очень скоро стало ясно, что отцу с моей матерью было неинтересно. Он, возможно, никогда ее и не любил. Между ними никогда не было тех нежных и любовных отношений, какие я наблюдал у моего отца и Зои. Возможно, моя мать была холодной женщиной. Положительной, порядочной, но холодной. Думаю, она и сама не понимала это и уж тем более не была в этом виновата. Человек рождается холодным, как моя мама, или страстным, как Зоя. Я в этом уверен. И не думаю, что, будь у моей матери иное воспитание, она была бы другой и испытывала бы к моему отцу страстное чувство.

Да, так все это, вероятно, тогда и было. Ведь он сильно изменился. Прямо на моих глазах происходило превращение – из унылого, скучного, стоявшего над пропастью невзрачного незрелого мужчины в сильного, восторженного молодого человека. Обычно о женщинах говорят, что они расцветают. Но мой отец тоже расцвел. У него даже щеки порозовели. И есть он стал больше. Словно распробовал наконец то, что ему готовили. Мама тоже хорошо готовила, но у Зои это получалось вкуснее. Быть может, она делала бульоны понаваристее или просто душу в дело вкладывала, я не знаю. Но я тоже стал есть больше. Мне нравилось приходить из университета, распаивать холодильник и искать там какие-нибудь вкусности вроде салатов, грибов, рулетов, запеканок... А уж если Зоя бывала дома (а постепенно, конечно, она привыкла ко мне и перестала прятаться от меня в спальне), горячий и сытный обед был мне обеспечен. Вот только мне не нравилось, что она ухаживает за мной как за ребенком, словно я мальчишка. Поэтому я зачастую представлял себе, что это я – ее муж, а не мой отец, и я вроде бы пришел с работы, а она, эта красивая женщина, подает мне обед, обхаживает меня, разве что не целует...

Конечно, она не замечала ни моих пылающих щек, ни быстрых взглядов, которые я бросал в вырез ее блузки или, когда она поворачивалась ко мне спиной, на ее обтянутые юбкой или брюками стройные бедра. Да ей и в голову бы, наверное, не пришло, что я могу испытывать к ней что-то еще, кроме презрения и ревности. А я ни разу не улыбнулся ей. Ни разу! Мое лицо каменело, когда она смотрела на меня. А внизу живота появлялось сладостно-болезненное чувство. Иногда мне приходилось прямо-таки маскировать набухший ком в джинсах, я или прятался за спинку стула, или, сгорая от стыда и желания, отворачивался и почти убегал в свою комнату.

Я страдал. И никому не мог об этом рассказать. Да даже себе самому было трудно признаться, что я влюбился в свою мачеху.

4. Григорий

Сказать, что я хотел бы – пусть Зоя увидит меня, сжимающего в объятиях лаборантку Катю... Может, и да, но, скорее всего, нет. Думаю, она испытала бы шок, разочарование. Особенно если учесть ее воспитание и характер, можно было бы предположить: она набросилась бы на нас, особенно на Катю, схватила бы ее за волосы... Да, отвратительная бы вышла сцена. Но по мне, чем естественнее она бы себя вела, моя ненаглядная Зоя, тем счастливее был бы я, это точно. Мне кажется, что я и полюбил-то ее за эту естественность, за природную открытость и редкую красоту. Впервые увидев ее, я сразу подумал – повезло мужчине, который имеет право на нее! Вероятно, я по натуре собственник. Вот и про мужчину того я тоже подумал, что он собственник и что эта женщина является его собственностью. Как же иначе, рассуждал я, разглядывая ее избитое, в синяках лицо, распухшую губу. Бьет, скотина, такую прелестную женщину, совсем озверел! Либо он пьяница, либо отморозок, подонок, негодяй – не человек, одним словом.

Я вообще всегда боялся подойти к красивой женщине, и не потому, что я такой уж трус, нет, просто я знаю, что некрасив, ничем не примечателен и, подойди я к такой женщине, меня просто подняли бы на смех. Моя жена Нина была женщиной красивой, но ее красота была какого-то другого сорта, не знаю, как это объяснить, но я ее не боялся, знал, что она не откажет мне, будет моей. Думаю, это читалось в ее взгляде. И я не ошибся. Думаю, поэтому-то я и женился на ней, потому что заранее знал: мне с ней будет комфортно, она будет любить меня, заботиться обо мне и предоставит мне свободу. Не ту свободу, о которой мечтают мужчины, нет – мне свобода нужна была для моих занятий, для того, чтобы я мог спокойно, не терзаясь угрызениями совести, проводить долгие часы в лаборатории. И когда у меня была Нина, я не позволял себе интрижек со своими лаборантками, мне бы такое даже в голову не пришло. Это случилось гораздо позже, когда у меня начались проблемы с Зоей.

Так вот. Зоя. Не будь она такой избитой и несчастной, я бы не подошел к ней. Ее красота дорогого стоит! Если бы она стояла на обочине дороги, закутанная в меха, как та женщина из сугроба, я бы не осмелился к ней подойти и уж тем более обнять.

Женщина из сугроба. Однажды я возвращался домой, шел через парк. Была зима, ночь, а под фонарем в сугробе, привалившись спиной к дереву, сидела молодая женщина в соболиной шубе. Женщина необыкновенной красоты. Ни капли вульгарности – красота брюловская, ренуаровская. Это была роскошная женщина. Если бы она стояла, а не сидела в снегу, я не подошел бы к ней, подумал бы, что она просто ждет кого-то. А так... Я сразу понял, что ей плохо. Нормальный человек не будет ночью сидеть в сугробе. Я сначала прошел мимо, но задержался, повернулся и подошел к ней, взял ее за руку и, пробормотав что-то вроде: «Так нельзя, поднимайтесь, вы же простудитесь!» – вытянул ее из сугроба. Она была, как мне показалось тогда, в полубоморочном состоянии. Женщина ухоженная, накрашенная, как кукла, вот только помада немного размазалась... Я спросил ее, куда ее отвести, и она, привалившись ко мне, сказала, что ей нужно в реабилитационный центр, там ей дадут горячего супа, уложат спать. Что она – жертва семейного насилия. Я видел жертв семейного насилия, это несчастные, измученные существа. В моей лаборатории работала Сашенька, бедная хрупкая женщина, которую муж-тиран избивал до полусмерти, а она все от него терпела, боялась его страшно, он потом утонул в пруду, а Саша моя уволилась и вернулась к матери в деревню, теперь она работает на молочной ферме.

Я ответил, что могу проводить ее домой или к подруге, в ответ она как-то странно улыбнулась и покачала головой. Я не сразу понял, что она пьяна. И от нее, кроме духов, пахнет и алкоголем. Она была так прекрасна, так соблазнительна, что мне доставляло удовольствие находиться с ней рядом. Я понимал, что даже на это не имею права, ведь она не моя, но замер,

обнимая ее, разглядывая то, что мне не принадлежало. Она была без шапки, русые кудри обрамляли ее тонкое, с бледными щеками и темными огромными глазами лицо. Когда я вытягивал ее из сугроба, полы ее длинной шубы распахнулись, и я успел увидеть в разрезе узкого черного платья белые красивые колени в тонких светлых чулках. На женщине были черные замшевые сапожки на высоких каблуках. Мысленно я уже подхватил ее на руки и понес к себе домой. И мне тогда в моих фантазиях было все равно, что скажет и как отреагирует на это моя жена. Думаю, Нина, со свойственной ей добросердечностью и одновременно практичностью, бросилась бы разувать ее уже в передней, чтобы не испачкать паркет, а потом уложила бы ее на диван, приготовила бы горячего чая... Я же – мысленно – бросил ее прямо в шубе и сапожках на кровать и принялся жадно целовать...

Конечно, буквально через несколько минут на заснеженной аллее появился господин в длинном меховом пальто и в шляпе. Спокойный, уверенный в себе. Не обращая внимания на меня (думаю, он не ударил и не пристрелил меня, державшего эту женщину в своих объятьях, исключительно благодаря моей интеллигентной и безопасной внешности – испуганное лицо, очки на носу, ботаник ботаником), он подхватил женщину, ее голова тотчас покорно легла на его плечо, и, приговаривая: «Маша мне так и сказала, мол, ищи ее в парке, в сугробе... Лиза, ну нельзя же так, ей-богу! Что за дурь такая – в сугробе сидеть?! Застудишься, милая...», увлек ее за собой. Потом он вдруг вспомнил обо мне, повернулся, снял шляпу и кивнул мне, склонился в поклоне, мол, благодарю. Вот он, хозяин этой женщины с красивым, хрустальным именем Лиза, подумал я. Домашний тиран и насильник. Я сразу понял это, потому что счастливая в браке женщина не стала бы интересоваться реабилитационным центром, местом, куда бегут, чтобы скрыться от побоев, избитые, искалеченные мужьями женщины. Иначе откуда бы этой Лизе знать, что ей там дадут горячего супа и уложат спать, предоставят ночлег, временное убежище?

Зоя же была очевидной жертвой насилия. Домашнего ли, или какого-то другого, но все равно насилия. Лиловый синяк под глазом, желтоватые пятна застарелых гематом на скулах... Но даже они не портили ее красоту. Зато подсказали мне, что уж к ней-то можно подойти запросто, взять за руку и увести за собой куда хочешь. И я привел, точнее, привез ее на своем автомобиле. Я знал, что на некоторых женщин один вид моего джипа производит впечатление, они уже оценивают меня иначе, чем если бы встретили меня выходящим из трамвая или автобуса. Джип, по словам Алика, украшает мужчину. Не скажу, что я не понимал этого, когда решался вопрос о его покупке. Деньги были заплачены огромные, другое дело, что они заработаны были не непосильным, так сказать, трудом, а во время самых обыкновенных трудовых буден в моей лаборатории. Мне повезло, я вообще счастливый человек, раз могу, занимаясь любимым делом, еще и зарабатывать хорошие деньги. Если я скажу, что занимаюсь разработкой формулы производства биотоплива из канализационных вод, то несведущий человек, а уж тем более женщина, вряд ли оценит перспективность наших исследований... Однако, к счастью, есть люди, готовые выложить только на научные исследования огромные деньги, понимая всю перспективность таких работ...

Словом, купив джип, я поначалу воспринимал его просто как средство передвижения, к тому же мне нравилось каждый день открывать для себя в нем что-то новое, а Алик помогал мне в этом. Оказывается, помимо того, что это очень мощная машина, она к тому же еще и весьма комфортная, что для меня крайне важно, потому что в этом отношении я больше похожу на женщину. Я часто мерзну, поэтому все, что связано в этой жизни с комфортом и теплом, играет в моей жизни значительную роль. И только потом, со временем, я стал замечать восхищенные взгляды моих знакомых, они бросали их на меня, когда я садился в машину или выходил из нее. Те мои друзья-коллеги, с которыми я работал долгое время вместе, такие же, как и я, немного сумасшедшие, увлеченные люди, но в настоящее время неплохо зарабатыва-

ющие, тоже позволяли себе подобные дорогие покупки, но, как правило, так же, как и я, с подачи своих более «земных» родственников. Я не мог не понимать, что владею престижной машиной, что у меня есть деньги и я могу позволить себе многое из того, чего не могут позволить себе другие мужчины. Но у меня не хватало решимости тратить деньги, я всегда терялся, когда мне нужно было купить даже что-то необходимое, и всегда рядом оказывался Алик, а он, несмотря на свою молодость и внешнюю инфантильность, был человеком практичным, знал, что и сколько стоит, а потому наши с ним покупки носили вполне разумный характер. Думаю, что и покупка пресловутого джипа тоже была им тщательно продумана. Как бы то ни было, но человеческий фактор еще никто не отменял, поэтому я понимал, что и на Зою мой джип произвел впечатление. Во всяком случае, она села в мою машину не только потому, что ей нельзя было возвращаться домой или туда, где она жила до тех пор, пока мы не встретились, но еще и потому, что она увидела во мне человека более-менее состоятельного, то есть благополучного, не бомжа или пьяницу. Потому что наличие у меня такой машины свидетельствовало о том, что у меня есть деньги, а если есть они, значит, и голова на плечах имеется. Быть может, она, устав от нищеты и побоев, забралась в мою машину от отчаяния... В любом случае я ее не осуждаю. Больше того, считаю, что ею двигало некое чувство, которое невозможно объяснить простым человеческим языком – все это вне сферы нашего понимания. Интуиция, возможно.

Я же в ту минуту, захлопнув за ней дверцу, почувствовал себя удачливым птицеловом, которому удалось заманить в силки красивую птицу. Этот день стал для меня настоящим праздником. Мне тогда удавалось все. Больше того, я вдруг стал дерзким, решительным и даже, мягко говоря, нахальным! Я осмелился привезти мою птичку в институтскую квартиру для командированных и поселить ее там. И мне тогда было все равно, как отнесутся к этому мои коллеги, если все узнают. И удивительно, что об этом так никто и никогда не пронюхал. Зато у меня помимо моего привычного, рабочего лабораторного зуда, – когда каждый день приносит какие-то новые открытия или же держит тебя в прекрасном творческом напряжении, когда каждая минута полна смысла и удовлетворения или радости ожидания, – появилось новое чувство: возможность жить параллельно еще одной жизнью – мужской. Я полюбил, я испытал то, чего никогда не испытывал прежде, но о чем слышал и читал, о чем говорил, пел и чем дышал весь окружающий меня мир. Прежде слово «любовь» вызывало в моей душе лишь тихую усмешку. Слово это избито, изгажено некрасивыми людьми и дурными поступками, превращено в плоское клише и звучит скорее уже как насмешка над лучшими человеческими надеждами, над желанием жить чисто и счастливо. И тем не менее оно засверкало, как бриллиант, когда я почувствовал, как забилося мое сердце, как сладко стало у меня на душе, как приятно заняло мое тело в предвкушении неслыханных и неизведанных мною ранее удовольствий, когда в моей жизни появилась Зоя.

В первые часы, которые я провел рядом с ней, устраивая ее в импровизированном любовном гнездышке, я и понятия не имел, что она за человек, какой у нее характер, какие привычки. Не слышал, как она смеется, как разговаривает. Первое время она лишь отвечала мне короткими фразами, страшно смущаясь, когда я задавал ей прямо в лоб острые вопросы, касавшиеся человека, поднявшего на нее руку. Но и тогда уже мне доставляло удовольствие наблюдать за ней, слышать звук ее голоса, время от времени я даже касался ее, брал за руку, с удовольствием взбивал для нее подушку, укрывал ее одеялом, стараясь дотронуться до ее ступней, как бы нечаянно проводил рукой по ее плечу... От нее исходила такая энергия, что меня просто всего трясло! Я не знаю, что со мной было и происходит до сих пор, стоит мне только вспомнить ее. Хотя что значит вспомнить, когда я не забывал о ней ни на минуту. Я любил ее, люблю и буду любить всегда. Вот только где мне найти силы продолжать ее ждать?

Она знает, что я убийца. Но бросила она меня задолго до этого. Нет, мы продолжали жить вместе, спать в одной постели, и в это же самое время у нее была какая-то другая, неизвестная мне жизнь. Ее тело было со мной, но она была где-то далеко в другом месте. Мне даже

страшно бывало порою смотреть на нее, настолько отрешенным становился ее взгляд. Хорошо, что никому пока что не дано проникать в мысли другого человека. Иначе у меня сердце разорвалось бы, я думаю.

С лаборанткой Катей у меня все было хорошо. Мы с ней «делали это» во время обеденного перерыва, я даже снял квартиру на соседней с институтом улице. Обедали мы в разных местах, чтобы не давать пищу для разговоров нашим институтским коллегам; если же у меня было настроение, я звонил ей и говорил, что куплю по дороге что-нибудь и мы закусим «дома». Как правило, это была та же ресторанная еда, упакованная в пластиковые контейнеры, – салаты, отбивные, пирожные. Или же завернутый в бумагу кусок ветчины, который не нуждался в приготовлении и с которым меньше возни, его ведь достаточно просто нарезать на ломти и съесть с бородинским хлебом. Во всяком случае, когда в лаборатории было много работы и мы не могли себе позволить опоздать – чтобы сэкономить время, ограничивались бутербродами.

Кате было двадцать два, она была не замужем, хотя поговаривали, что у нее есть постоянный любовник. Я поговорил с ней в самом начале наших отношений, сказав, что будущего у нас никакого нет, что она вольна во все остальное время своей жизни встречаться с кем угодно и вообще устраивать свою жизнь, как если бы у нас и нет этих «обеденных перерывов». Не желая причинять ей боль честным признанием в том, что я попросту использую ее для удовлетворения своих гигиенических и физиологических потребностей, я объяснил ей: так уж я создан природой, что мне не хватает одной женщины, приврал, что она очень нравится мне, в некотором роде я даже люблю ее, но не могу позволить себе иметь две семьи, у меня попросту нет времени и сил для этого... Словом, наговорил я много всяких слов, и, как мне показалось, вполне убедительно, чтобы она с готовностью в любое время раскрывала для меня объятия, даже любила меня. На самом же деле я каждый день проверял себя, пытаюсь понять, почему же у меня все замирает и буквально мертвеет, едва лишь я прикасаюсь к Зое. Катя – простая, в общем-то некрасивая девушка, и меня возбуждает в ней не ее внешность, а ее очень уж простое, даже грубоватое, почти звериное поведение в те минуты, когда мы остаемся с ней вдвоем. Если с Зоей мы долго лежим в обнимку, исполненные взаимной нежности, целуемся, и каждое наше движение пропитано любовью, то с Катей все слишком просто, словно мы безмозглые животные. Мы с ней спариваемся, а не любимся. Думаю, у меня все получилось бы с Катей в любом, даже самом неудобном на первый взгляд месте – в чулане, в холодном лесу, в туалете, в магазинной подсобке, в запертом сторожем пустом ночном кинотеатре, в заледеневшем, брошенном в пробке троллейбусе, на заднем сиденье такси (и мы поглядывали бы искоса на отражающуюся в зеркальце физиономию водителя), на овощном складе – среди вязанок или корзин с гнилой картошкой, в подземном тоннеле среди подмерзших луж и спящих бомжей, в стогу сена или вовсе под забором на подложенной под спины старой фуфайке... С Зоей же все было по-другому. Чистота во всем – вот что было главным условием моей любви к ней. Чистота наших тел, постели, комнаты, чистота наших душ, мыслей, желаний... Я не люблю слово «богиня», оно какое-то книжное, высокопарное, мне нравится только смысл этого слова – сверхъестественная женщина. Женщина, которой подвластно все. Вот такой была для меня Зоя. И если Катю я мог бы разделить со всеми ее любовниками и женихами, вместе взятыми (как и со всеми, с кем ей еще предстояло бы сокопиться), то Зоя должна была принадлежать исключительно мне. Я сам усадил ее на трон, сам целовал ее ступни и колени, валялся в ее ногах, вымаливая любовь, все – сам... Но я не виноват, нет... Виновата моя чрезмерная любовь к ней. Я как-то давно видел фильм про одного солдата, вернувшегося с войны. Он, женившись на девушке, которую очень любил, не смог быть с ней. Ходил к какой-то улыбчивой любвеобильной перезрелой женщине, с которой у него все получалось, как у меня с Катей. Не помню, чем закончился тот фильм, возможно даже, что я намеренно не досмотрел его, потому что уж слишком сильное впечатление он на меня произвел как на мужчину. Мне было ужасно жаль этого парня. А девушка была очень красивая, кажется, ее играла Настасья Кински... а может,

и нет. Я не очень-то знаю этих артистов... Вот Алик совсем другое дело! Алик. Честно говоря, мне даже страшно предположить, что подумал бы обо мне мой сын, узнай он об истинном положении вещей. Не думаю, конечно, что он презирал бы меня, нет, он хороший мальчик и любит меня, но так, чисто по-мужски, он посочувствовал бы мне, ведь он уже взрослый, а его жалость ударила бы меня куда более презрения. Жалость. Удивительное дело, но у меня до сих пор нет определенного мнения об этом неоднозначном чувстве. Порою мне кажется, что ничего постыдного в ней нет, даже хорошо, что есть люди, способные жалеть друг друга, это значит, они в какой-то мере любят, желают друг другу добра. Но есть и другая жалость, сродни насмешке, когда на человека смотрят как на слабака, как на изгоя. Думаю, мои коллеги по лаборатории испытали бы по отношению ко мне именно такую жалость, они пожалели бы уставшего от одиночества вдовца, скоропалительно женившегося на малознакомой женщине, лишь бы начать новую жизнь, лишь бы не пропасть, не раствориться в море тоски... Или же, того хуже, увидели бы во мне дремавшего сладострастника, который проснулся, увидев красивую женщину, и пожелал сделать ее своей собственностью. В сущности, они были бы правы в обоих случаях. Так все и было. Подобрал на улице несчастную бездомную Зою, я, конечно же, в первую очередь оценил ее красоту, успел восхититься ею и даже представить ее себе в более благоприятной ситуации – женой обеспеченного и любящего мужа. В сущности, ее мог бы подобрать кто-то другой, и на этого другого мужчину я смотрел бы с завистью. Теперь же я завидовал сам себе – ведь этим человеком, ее мужем, стал я.

Понимаю, что все это гнусно, нельзя пользоваться слабостью и беззащитностью женщины, невозможно заставить ее полюбить себя. Да, все это так. Но тем не менее я ждал от Зои именно любви. И поначалу воспринимал ее благодарность, ее нежное ко мне отношение за любовь, радовался тому, как Зоя менялась, пригретая и обласканная мною. С нескрываемой радостью наблюдал за тем, как оттаивает ее сердце, душа, затягиваются ее физические и душевные раны, разглаживается лицо, какой нежной становится ее кожа и как влажно, сыто блестят ее глаза. Сытость не в примитивном понимании этого слова – а насыщенность любовью, моей любовью. Ей было хорошо со мной, в моем доме.

5. Зоя

Он постучал в окно. Не в дверь, а в окно, словно зная, что я сижу как раз у окна за столом и вяжу маленькие голубые пинетки. Я вздрогнула, потому что не ожидала ничего подобного. Да и вообще в деревне всегда очень тихо, не то что в городе. Каждый звук звучит стократно громче. Да еще этот снег совсем завалил всю деревню. Каждое утро я беру лопату и расчищаю тропинку между крыльцом и калиткой. Тротуары в деревне чистит трактор. Хорошо еще, что мы не в низине, как соседнее село, у нас более или менее ровная дорога, и поэтому даже в самый страшный снегопад по расчищенной трактором дороге может проехать «Газель» с продуктами – в магазин. А дом, в котором я живу, находится совсем близко от магазина. Понятное дело, многое из того, что там продается, я не могу себе позволить, но все равно – жить можно.

Человек постучал, и я, еще не рассмотрев гостя и не понимая, кто это может быть, да еще и в такой час, вдруг услышала, как он меня зовет: «Зоя!»

Я не люблю свое имя. Оно какое-то острое, как осколок стекла, опасное... сиреневого или даже фиолетового цвета. Тамара, например, – оранжевое имя. Галя – черно-белое. Римма – бирюзовое. Соня – розовое. Лена – прозрачное. Мне нравится имя Лора – оно нежного кремового оттенка с перламутровыми переливами, очень красивое. Не знаю, в честь кого мать назвала меня именно этим именем – Зоя. Возможно, для нее оно было таким же красивым, как для меня имя Лора.

А еще оно редкое. И уж если кто-то поблизости крикнул: «Зоя», значит, это по мою душу. Вот так было и в этот раз. Я почувствовала, как волосы на моей голове зашевелились. Конечно, это просто выражение такое, они не зашевелились, но какое-то движение произошло, словно ветерок подул, остудил макушку. Я не знала, что и думать, кому это я понадобилась? И, главное, кто меня мог найти? Хотя меня могли навестить соседи, просто заглянуть и спросить, как я здесь, жива или нет? Не засыпало ли меня окончательно снегом?

Соседи мои – хорошие, добросердечные люди. Думаю, поняли, что я здесь болтаюсь вовсе не от хорошей жизни... Хорошая жизнь. Они не знают, что такое хорошая жизнь – когда рядом человек, любящий тебя до безумия. Который может ночь напролет просидеть рядом, разглядывая тебя, словно ты ларец с золотом. Гриша очень любил меня, и это меня даже пугало. Я и не знала, что человек может так сильно любить. Так болезненно. Это удивительно, что после того, как он сделал мне предложение, он не закрыл свою лабораторию, не распустил своих друзей-коллег и не сжег папки со своими разработками. Конечно, я преувеличиваю, но он словно помешался на мне. Думаю, это началось как раз в тот вечер, когда я в первый раз поцеловала его. Мы сидели на кровати, обнявшись, как влюбленные подростки, медленно привывая друг к другу, пока я не почувствовала, что мне надо сделать первой какой-то шаг, движение навстречу, и тогда я поцеловала его. Повернулась к нему и с закрытыми глазами, словно погружаясь в теплую волну близкого счастья, нашла его губы своими губами и поцеловала. Как же не похож был этот поцелуй на те мертвые поцелуи, которые я позволяла себе по отношению к другим мужчинам! В этот поцелуй я вложила всю свою нежность и благодарность мужчине, который подарил мне счастье быть любимой.

В ту ночь мы с ним уснули обнявшись. Чистота наших отношений потрясла меня. Гриша был первым мужчиной, который настолько любил и желал меня, что боялся даже дотронуться...

Посреди ночи нас разбудил звонок телефона – это Алик, его сын беспокоился об отце. Чувство вины отразилось на лице Гриши, когда он слушал, что ему говорит сын. «Да, сынок, да, Алик, так вышло, извини, больше такое не повторится...» А глаза его все равно сияли, когда он смотрел на меня, и Алик в ту минуту был для него, как мне тогда показалось, уже не самым

близким человеком. Ведь в его жизни появилась я. А в моей жизни появился он. Как часто я буду потом шептать ему на ухо: «Где же ты был раньше, Гриша?» Хорошо, что он не представлял себе всех тех видений и картинок, которые проплывают в моей голове в тот момент, когда я в порыве откровенности и нахлынувших на меня чувств произношу эту фразу... И первое, что я вижу, – это мокнущее под дождем серое здание интерната. И словно чувствую острую боль, и даже мое обоняние услужливо напоминает мне тот приторно-винный и какой-то уж очень зрелый, хлебный запах исполненного желанием мужчины... Директор интерната стал моим первым мужчиной, насильником, хозяином, врагом... У меня была истерика, когда я спустя годы, стоя возле окна интерната, видела, как его, в наручниках, сажают в милицескую машину. Насильник и вор! Гад. Трудно сказать, кто из наших девчонок не побывал в его кабинете, не оставил хотя бы каплю своей крови на его диване. Если бы его там, в тюрьме, не довели до ручки и он не умер бы от истязаний, то – как мне всегда казалось – я жизнь бы положила, чтобы только отомстить ему за всех нас!

После интерната я сразу же подалась на курсы парикмахеров. Мэрия выделила мне комнату в общежитии кондитерской фабрики, я делила ее с деревенской девочкой, работавшей в конфетном цехе. Девочку звали Люба, она была пухлая, румяная, с черной косой. Но ужасно вредная. Раз в неделю она ездила на вокзал встречать поезд, и знакомая проводница передавала ей посылку от родителей из деревни. Это были стеклянные банки с консервированным кроличьим мясом, огромные, крепко пахнущие дымом куски копченой свинины, обувные коробки, полные крупных розовых яиц. И всю эту вкусноту Люба поедала исключительно в мое отсутствие. Я даже готова была ей заплатить за бутерброд с черным хлебом и копченым салом, но, увы, мне никто даже не предлагал его попробовать!... Уже будучи взрослой, я познакомилась на рынке с одной перекупщицей, снабжавшей меня этим ароматным деликатесом по баснословной цене. Что поделать – наши желания зачастую слишком тесно связаны с нашими воспоминаниями...

Иногда мне снилось, как Гриша спрашивает меня, сколько же у меня было мужей. Официальных – два, отвечаю я ему. И пятьдесят на ум беру...

Откуда у меня это число – знаю только я. И не потому, что у меня было пятьдесят мужчин. Гораздо меньше. Просто девчонка одна, с которой я познакомилась в поезде, когда ездила в Москву в свадебное путешествие (лучше бы не было у меня ни свадьбы, ни путешествия, с моим первым мужем мы все равно прожили всего месяц и разбежались кто куда), когда мы курили в тамбуре, рассказала мне, загибая пальцы, сколько у нее было мужчин. Получилось – пятьдесят. Или что-то около этого. Я даже присвистнула, услышав это число. Вот она-то мне и сказала, что многие добропорядочные женщины имеют множество любовников и меняют их время от времени, и при этом они не попадают. Еще девчонка добавила, закашлявшись от дыма и дав окурок сигареты «Парламент» в железной банке, прикрепленной к двери тамбура, что ее свекровь как-то, подвыпив, призналась ей, что она и сама меняла любовников и что это вроде бы даже полезно для здоровья, омолаживает кровь...

Шлюхи вы обе с твоей свекровью, подумала я тогда, покидая тамбур и спеша к своему новоиспеченному мужу в купе, которое мы делили с этой девчонкой. Но Николая своего я тогда в купе не нашла. Я обнаружила его, пьяного, в закутке у проводницы. Он крепко спал, укрытый толстым шерстяным одеялом. Проводница тогда хлопала пьяными глазами, глядя, как я расталкиваю его, как озверело матерюсь, осыпая его голову ударами...

Я думаю, он тогда просто забыл, что женился на мне.

...Я вышла на крыльцо и впустила его. Мне казалось, что это сон. Так часто бывает: думаешь, что спишь, а на самом деле – все явь.

У него было красное от мороза лицо. На ресницах сверкали тающие снежинки. Он бросился ко мне и обнял. Крепко-крепко. Сказал, что искал меня, что так нельзя – я не должна была вот так исчезать. Он много чего мне тогда наговорил, а я слушала, гладила его по голове, и мне казалось, что я успокаиваю совершенно другого мальчика. Я целовала его теплую макушку, а он стоял передо мной на коленях и рыдал. Говорил, что нам надо вернуться, ведь так нельзя, мы не должны оставлять его одного.

Я взяла его куртку и повесила на вешалку. Потом поставила в духовку глиняную кастрюлю с картошкой и мясом, а на стол – миску с солеными огурцами, открыла банку помидоров. Порезала хлеб, вытерла и без того чистую и сухую тарелку. Я волновалась, суетилась, я не знала, как мне себя с ним вести.

– Как ты меня нашел? – спросила я его.

Он сидел напротив меня и жадно ел. В кухне пахло тушеным мясом. У меня тоже проснулся аппетит, я положила себе на тарелку картошку и огурцы.

– Случайно. Вернее, один знакомый помог, отец его в полиции работает.

Понятное дело, найти человека, зарегистрированного по конкретному адресу, не так уж и трудно. А без регистрации я бы не смогла пользоваться услугами местного доктора. Другое дело, что, убегая, я, честно говоря, и не надеялась, что меня будут искать. Я была уверена, что мое исчезновение истолкуют единственным правильным образом – что я бегу от самой себя. К тому же как я могла оставаться в доме, где меня пригостили, обласкали после всего того, что произошло со всеми нами?

– Зачем ты приехал?

6. Алик

Убийство не входило в мои планы. Больше того, мои планы были разрушены, и весьма основательно. Да и предположить, что после всего случившегося Зоя исчезнет, тоже никто не мог. Тем более мой отец. Для него это было самым настоящим предательством.

А план был очень простой. Я хотел, чтобы мой отец разлюбил Зою и чтобы она осталась одна. И вот тогда бы я предложил ей жить со мной. Поначалу на съемной квартире, а потом мы с отцом разменяли бы нашу большую квартиру, и мы с Зоей поселились бы уже в своей собственной. Я хотел детей от Зои. И это чувство, это желание иметь детей от этой женщины просто пугало меня. Я и сам не ожидал от себя таких сильных чувств.

Если раньше я много времени, в особенности вечера, проводил со своими подружками, вернее, с Таней, своей однокурсницей, то потом все чаще и чаще стал ночевать дома. И поначалу это было для меня настоящей пыткой. Видеть их вдвоем, таких воркующих голубков! Она, в домашнем просторном свитере, в широких мягких штанах и белых носочках, полулежит в объятиях моего отца на диване. Они смотрят телевизор. Он играет ее черными кудрями, гладит ее лицо, подолгу смотрит на нее, словно не будучи в силах поверить, что она принадлежит ему. А она спокойна и счастлива оттого, что у нее теперь есть муж, который любит ее. Этот ее домашний свитер – сплошная провокация! Она в нем словно голая. И ведь он ничего не обтягивает, напротив, он мужской, огромный, вообще не знаю, откуда она его взяла, неужели для себя купила? И он не отцовский... Но это и неважно. Я угадываю под ним ее груди, и меня это заводит. Я схожу с ума! После этого диванного воркования, после просмотра фильмов и футбольных матчей они удаляются в свою спальню, и это счастье для меня, что оттуда никогда не доносится ни единого звука. Словно они сразу же засыпают. Когда мы с Таней ложимся в постель, квартира оглашается довольно-таки характерными звуками. Таня девушка раскованная, ей нравится любить со мной, она совершенно ничего не стесняется. Зоя же не постанывает, ничего не говорит и уж тем более не кричит, как Таня. Я представляю себе, как она лежит рядом с моим спящим отцом и либо разглядывает голубоватые узоры теней на потолке, либо тоже спит, обделенная мужской любовью. Сколько раз я представлял себе, как открываю дверь их спальни и зову ее к себе. И все это по-настоящему страшно, ведь я люблю своего отца, я очень уважаю его, но ничего не могу поделать со своими чувствами к Зое. И почему только в тот день ее подобрал мой отец, а не я?!

Как-то вечером, когда Зоя приболела и отправилась спать раньше его, мы с отцом долго сидели в кухне, пили коньяк, и он рассказывал мне, как познакомился с Зоей. В подробностях. Так я узнал, что у нее был муж, бивший ее. Мне тогда захотелось встретиться с ним и убить его. Бить ногами до тех пор, пока он не превратится в кровавое месиво, в фарш. Уверен, что и мой отец, услышав ее историю, испытал примерно такое же желание.

Мы с ним тогда крепко выпили. Отец заплакал, сказал, что жалеет Зою, и признался – он переживает из-за того, что я не воспринимаю ее как члена семьи и до сих пор не смирился с тем, что она заняла место моей матери. Я даже в пьяном виде, едва шевеля языком, продолжал разыгрывать перед ним комедию. И остановиться в этом своем идиотском поведении я тоже уже не мог. Я не хотел превращаться в их глазах в пай-мальчика, который принял наконец свою мачеху. Я воспринимал ее совсем иначе, и это должно было оставаться моей тайной.

Иногда в своих фантазиях я пытался соблазнить Зою. Хотя, с чего начать, какие слова подобрать, чтобы не испугать ее, не вызвать в ее душе отвращение к себе, я пока что не знал. Я вспоминал, что больше всего нравится Зое, от чего она приходит в восторг, от чего загораются счастьем ее глаза, что вызывает у нее улыбку, и, к своему легкому разочарованию, при-

знавал, что она, как и все женщины мира, любит подарки. Понятное дело, что подарки для нее носили не столько материальную ценность, сколько являлись знаками внимания со стороны моего отца. Он же, прежде не умеющий тратить деньги, которых у него становилось все больше и больше, теперь щедро заваливал подарками свою молодую жену. Меня это ни-сколько не злило, нет, тем более что отец и мне никогда ни в чем не отказывал. Правда, многие его подарки были нелепыми и подчас смешными и бесполезными (какие-то куски полудрагоценных камней, фарфоровая антикварная супница, медные жабы для ванной комнаты, альбомы для фотографий), но дарил он их от души, и Зоя принимала все с благодарностью. Тогда я решил немного повоспитывать моего неискушенного отца и как бы мимоходом сказал ему, что дарю своим девушкам золотые украшения: это красиво, дорого, приятно и полезно, поскольку золото – оно и в Африке золото, не говоря уже о бриллиантах. И еще я намекнул, что, будь у меня побольше денег, я подарил бы любимой девушке автомобиль.

– Послушай, может, и мне подарить Зое машину? – живо отреагировал влюбленный папаша. – Ты поможешь мне выбрать марку? Чтобы ей понравилось?

– Сначала ей надо бы поучиться водить, – посоветовал я ему, в мыслях уже заняв место инструктора рядом с Зоей и обнимая ее за талию. Мы въехали с ней в воображаемый лес, и солнечные блики леопардовыми пятнами раскрасили новенький «Мерседес». Машина заглохла, я повернулся к Зое и впился губами в ее губы...

– Вот ты ее и поучишь? – неуверенно предложил он, и я вдруг понял, что совершенно неожиданно заполучил Зою. И я решил, что она уже моя...

И отец купил Зое новый черный «Мерседес» от Lorinser! Понятное дело, что все это дельце провернул я – нашел нужные слова, убедил отца в том, что машину следует покупать именно в этом салоне, мол, человек, у которого есть деньги, не должен скупиться, поскольку речь идет о безопасности близких ему людей. И все в таком духе. Отец чуть в обморок не упал, когда увидел эту тачку в салоне. Сказал тихо, потя и беспрестанно промокая платком розовый мокрый лоб: «Думаю, Зое понравится...» Уверен, что Зое понравилась бы и подержанная «десятка» и вела бы она себя приблизительно так же, искренне выражая свой восторг, поскольку, как и отец, была не искушена в роскоши. Но и не понимать, как отец старается для нее, не жалеет для нее денег, она тоже не могла. Тем более что машину тотчас оформили на ее имя.

Оформляя в салоне покупку (Зоя прогуливалась на улице, мы могли видеть ее, в черном пальто с развевающимся на ветру красным шарфом), отец на минуту отвлекся, внимательно взглянул на меня и спросил так, как мог это сделать только он, простыми словами, передавая самую суть: «Ты не ревнуешь, Алик? Мы можем купить и тебе такую же или лучше, если ты считаешь, что твоя машина...»

Он не договорил. Я дотронулся до его руки. «У меня хорошая машина, па. И я рад, что ты подаришь этот «мерс» Зое». И он успокоился. Он не был жадным, он любил меня, и я знал, что, если я только скажу ему, чтобы Зои в нашей с ним жизни не было, она исчезнет. Может, она будет существовать в какой-то другой жизни вместе с отцом, но только уже без меня. И это знание придавало мне сил. К тому же разве мог мой отец предполагать, что я восхищаюсь его женщиной, как он сам, что она нравится мне и я и сам не знаю, почему уже не считаю ее чужой.

Как ни странно, но все мои ночные фантазии, связанные с предстоящими уроками вождения, оказались далеки от реальной жизни. Да, теперь мы долгие часы проводили с Зоей вместе, и никто, казалось бы, мне не мешал ухаживать за ней. Мы сидели совсем близко друг к другу, я часто брал ее руку в свою, когда хотел показать, как правильно держать руль, да и вообще в наших общих поездках случалось многое, что позволяло мне касаться ее. Но чем больше я проводил с ней времени, тем лучше понимал, что мое восхищение ею как женщиной, может, и носит собственнический характер, но только это чувство другого свойства – мне,

оказывается, было достаточно того, что я имел право находиться рядом с ней, просто как сын ее мужа. Странное это было чувство, когда мы с ней, утомленные долгими часами напряженной езды по трассе, останавливались где-нибудь в придорожном кафе и сидели за столиком, весело болтая и обмениваясь впечатлениями, в то время как другие посетители оглядывались на нас и явно любовались моей спутницей. Не знаю, как объяснить, но мое сексуальное влечение к ней оказалось обманчивым – теперь я видел в ней просто женщину исключительной красоты, которой продолжал восхищаться, не желая физической близости с нею. Думаю, я просто каким-то образом успокоился, когда понял: помимо того, что она – жена моего отца, Зоя еще и очень приятна в общении, что называется, свой человек. Мы как-то сразу сблизились, стали друзьями. И я бы голову оторвал каждому, кто посмел бы взглянуть на нее с похотливыми намерениями. Теперь, когда мы проводили с ней много времени, мой отец мог быть спокоен за нее. Она была в надежных, что называется, руках. Под моим присмотром.

Правда, в редкие минуты мне казалось, что она неискренна. Быть может, это происходило потому, что я в принципе не доверяю женщинам. У меня было много девушек, многие были откровенны со мной и, сами того не желая, рассказали слишком много такого, чего я, молодой человек, не должен был слышать и знать. Предательство, подлость, желание досадить мужчине, отомстить, изменить, просто получить удовольствие, отдавшись первому встречному... Многие поступки женщин мне непонятны, и мой мужской мозг отказывался оправдывать их, тем не менее женщины все равно привлекали меня, мне было с ними интересно, я все еще не терял надежды встретить ту единственную, которую принял бы со всеми ее недостатками, непонятностями, странностями.

Иногда я пытался представить, что способен читать мысли Зои. О чем она думала, когда, крепко держась за руль, мчалась по трассе, устремив взгляд своих красивых глаз к горизонту? Любит ли она моего отца или же просто притворяется? Она молода, восхитительна. Мой отец совсем некрасив. Он старше ее. Зануда. Слишком спокоен и внешне инертен. Это в лаборатории у него горят глаза, и он мечется от компьютера к своим пробиркам или микроскопу, и кажется, что он переполнен внутренней энергией. Интересно, о чем они говорят, когда остаются одни в спальне? Трудно себе представить, что отец рассказывает своей молодой жене о том, как из канализационных вод производят биотопливо. Возможно, он в общих чертах рассказал ей о том, что в нашей стране нет даже соответствующих программ, государство не дает ему ни копейки на его исследования, в то время как, к примеру, фонд Билла Гейтса спонсирует проект по превращению человеческих экскрементов в биодизельное и метановое топливо, что человеческие экскременты являются «концентрированным органическим материалом, обладающим высокой энергетической ценностью»... Но это не любовные разговоры. Зою стошнило бы от таких подробностей... Хотя, с другой стороны, рассказывая об этом, он мог бы открыть ей источник происхождения своих денег. Он влюблен, поэтому, безоговорочно доверяя ей, мог запросто рассказать Зое о том, что его лаборатория на самом деле официально занимается совершенно другими исследованиями: они изучают пурпурные бактерии, работая параллельно с учеными из других стран, а деньги ему платят японцы, тайно покупающие у него методики разработок способов превращения разного вида промышленных и других органических отходов в биотопливо. Словом, я пытался понять, что связывает моего отца и Зою помимо его влюбленности в нее и ее ответного чувства благодарности к нему за то, что он для нее сделал. Я никогда бы не поверил, что Зоя любит моего отца. Это я могу любить его за то, что он – мой отец, за то, что я, зная его всю свою жизнь, считаю его человеком в высшей степени порядочным и добрым. Наконец, я уважаю его как личность и никогда в жизни не упрекну за то, что он нарушает закон. Живи он, скажем, в другой стране, его научная карьера сложилась бы совершенно иным образом. А так... Да, ему приходится продавать результаты своего труда за границу, ну и что? Двое его коллег и одна лаборантка, посвященные в его исследования и кормящиеся из его рук, думаю, тоже уважают его. И ценят. И это счастье, что ему в жизни повезло

с этими людьми, он уверен, что его не предадут, не выдадут. Раньше, когда отец впервые рассказал мне об этом, я испугался, что его посадят. Я даже представлял, что стою в очереди к тюремному окошку, чтобы передать ему посылку с едой, настолько мне все это казалось опасным. Но время шло, и у меня в итоге создалось такое впечатление, что все в институте, все эти многочисленные лаборатории, как и лаборатория моего отца, занимаются, помимо своей основной деятельности, чем-то таким, за что платят деньги. Предполагаю даже, что одна из лабораторий постепенно переквалифицировалась в частное экспертное бюро, сотрудничавшее с частными же криминальными структурами.

О том, что у моего отца имеются проблемы с Зоей, я узнал совершенно случайно, когда у меня сломался компьютер и мне пришлось воспользоваться его ноутбуком. Отец с Зоей отправились в театр, я зашел в кабинет отца, взял ноутбук и случайно увидел в предательски открывшейся мне строке «Яндекса» набранную фразу: «Причины импотенции». И многочисленные «окна» с материалами на эту тему. На рабочем столе нашлась и папка с копиями материалов, из которых было ясно: из всего многообразия статей на данную тему моего отца интересовали исключительно психологические проблемы этого заболевания. Там же, в папке, я обнаружил и недописанное отцом письмо к некоему доктору-сексологу, где он подробнейшим образом описывал свои чувства к Зое. Из письма следовало, что он воспринимает ее исключительно как существо высшего порядка. И там же отец писал о своей «преступной и унижительной» связи с лаборанткой. Так, совершенно неожиданно для себя, я узнал всю подноготную интимной жизни моего отца. И волна невыразимой нежности к любимому мною человеку захлестнула меня, смешанная с грустью...

В ту ночь я не спал, все думал, как бы помочь отцу. Я разрабатывал различные схемы действий, направленных на мое вмешательство в ход событий с целью оживления иконы по имени Зоя, чтобы он смог увидеть в ней живую, реальную женщину. И когда под утро я понял, как надо действовать, я сразу успокоился и уснул. А проснувшись, первым делом позвонил своему лучшему другу Федору.

7. Следствие

Игорь Седов, следователь по убийствам, сотрудник следственного управления, обедал в компании своего друга, эксперта-криминалиста Виктора Зашева, в маленьком кафе неподалеку от дома. Кафе было семейным, здесь готовили пироги, бульоны и сладкую выпечку.

– Знаешь, здесь, конечно, и кормят хорошо, и тепло, но в том доме, в Пушине, где я вчера опрашивал свидетелей, мне понравилось больше. И пусть там был бардак, все раскидано, но как-то особенно тепло от пылающего камина, приятно, уютно. Не знаю, Витя, когда мы с тобой заработаем на такой дом...

– Думаю, никогда, – ответил скромный средних лет Зашев, в сером свитерке под горло, откусывая от пирожка. – Попробуй лучше пирожок с мясом.

– Нет, я лучше попробую ви рожок с пишной, – вздохнул Седов, вспоминая вкус кофе, который ему приготовила Маша Репина, главная свидетельница по делу о криминальном трупе в пушинском лесу.

– Что-что? – часто заморгал Зашев, подумав, что ему послышалось.

– Но больше всего мне здесь нравятся мельмени с пясом, – с невозмутимым видом, улыбаясь во весь рот, продолжал Седов, – и кильмени с партошкой...

Друзья расхохотались.

– Мы думаем, пишем и говорим как-то по инерции, что ли, – принялся объяснять причину своей игры в перестановку букв в словах Игорь. – У меня пальцы, к примеру, когда я ими постукиваю по клавиатуре компьютера, иногда сами собой, кажется, дописывают за меня слова. По привычке, по инерции... И язык мой тоже иногда такие перлы выдает...

– Это ты про «ви рожки с пишной»? Обожаю вишню...

– Ладно. – Седов допил чай и со стуком поставил пустую чашку на стол. – Отдохнули, и хватит. Что у нас там с этим снежным человеком?

– Молодой человек примерно двадцати – двадцати двух лет, труп пролежал в земле приблизительно семь-восемь месяцев. Если бы не та бродячая рыжая сука, разрывшая снег, может, и не нашли бы вовсе. Правильно говорит в этих случаях моя жена: собаки или лисицы – наши верные помощники и друзья. Смерть наступила вследствие огнестрельного ранения – ему выстрелили прямо в висок...

– Выстрелили?

– Или он сам... Трудно сказать, насколько близко стоял стрелявший, надо подождать результатов баллистической экспертизы. Мое же мнение – это либо убийство, либо самоубийство.

– Очень ценная информация! Значит, семь-восемь месяцев тому назад, то есть в апреле – мае прошлого года... Что ж, посмотрим, кто был объявлен в розыск весной. А что говорит твой друг Агеев об одежде? Нашел что-нибудь в карманах?

– Он обследовал каждый сантиметр, у него создалось такое впечатление, будто всю его одежду перед тем, как закопать тело, тщательно осмотрели с целью не оставить ни одной зацепки, которая могла бы указать на личность убитого.

– Все-таки, значит, убитого... Хотя, может, ты где-то и прав. Может, этот парень убил себя сам, но закопать-то самого себя он точно не мог. А это значит: тот, кто его закопал в лесу в марте – апреле этого года, не хотел, чтобы тело нашли. Все это больше смахивает на убийство. Что ж, поехали дальше. Удалось ли установить, сохранились ли на одежде какие-нибудь следы?

– Как ты понимаешь, прошло слишком мало времени, ребята еще работают. Могу только сказать, что пятна крови на одежде соответствуют группе крови убитого. Следов крови посторонних людей не обнаружено. Куртка старая, в карманах имеются остатки очень старой лыж-

ной мази «Луч», возможно, в этой куртке парень ходил на лыжах, а банку с мазью держал в кармане. Шапка – одно название. Как решето. Крупная вязка. Из искусственной пряжи (поэтому она и не сгнила), темно-зеленого цвета, с белым узором, в ней проделаны отверстия, прорезы, как делают доморощенные бандиты, когда идут на дело.

– Да-да, я хорошо помню эту шапку. В момент обнаружения трупа она была плотно натянута на его голову. А обувь? Белье? Может, нашли что-то интересное?

– Знаешь, ты пригласил меня пообедать, вот и пытай о том, что имеет прямое отношение к тканям трупа, степени разложения, к состоянию внутренних органов... Я – судебный медик, может, ты забыл?

– Да-да, извини... Но не мог же я пригласить сюда всех экспертов... Витя, можно ли найти зацепку, чтобы установить личность убитого?

– В таких случаях, Игорек, мне всегда становится как-то особенно уютно на своем месте, понимаешь? На месте эксперта. Сделал свою узкопрофильную работку – и сиди себе попивай чаек... А вот вам, следователям, не позавидуешь. Обнаружили труп без опознавательных знаков. Ни документов, ни записок, ничего такого, за что можно зацепиться.

– Да уж, ты прав...

– Но кое-что я для тебя припас... – Зашев сыто улыбнулся Игорю и подмигнул. – Вроде парень как парень... Однако... Он – удивительный! Ты когда-нибудь слышал о...

8. Григорий

Как я и предполагал, покупка машины (Алик настоял на том, чтобы мы купили «Мерседес», дорогуший, от Lorinser, он, в отличие от меня, разбирается в подобных вещах) для Зои внесла в нашу жизнь разнообразие, даже, можно сказать, элемент праздника. Зоя целыми днями пропадала где-то за городом, Алик учил ее вождению, возвращалась она взбудораженной, счастливой, с сияющими глазами. Набрасывалась на еду и как-то особенно варварски, не обращая внимания на правила приличия, насыщалась. Нет, она, конечно, не разводила на кухне костер и не поджаривала на углях куски мяса, но все равно от той, прежней Зои, которая старательно и медленно пережевывала каждый кусок и пыталась есть суп беззвучно, что у нее хорошо получалось, ничего не осталось. Новая Зоя мгновенно поглощала все, что она приготовила вчера вечером (зная, что днем у нее не будет ни одной свободной минутки), иногда даже съедала по две порции и, извиняясь, говорила нам, еще продолжавшим сидеть за столом, что у нее нет сил дожидаться чая, и уходила в спальню, бросалась на кровать и мгновенно засыпала. Надо ли говорить, как я бывал счастлив в такие минуты, ведь она уже крепко спала, когда я, закончив свои дела, ложился рядом с ней, а это означало, что мне не придется в очередной раз пытаться доказать ей свою мужскую состоятельность. К тому же я понимал, что своим счастьем обладания машиной и всеми теми радостями, которые она переживала в связи с ее новым увлечением, она все равно была обязана исключительно мне. И еще. Я не мог не радоваться, что между Зоей и Аликом вспыхнула дружба! Кто бы знал, что идея Алика купить машину для Зои так переменит всю нашу жизнь и поможет всем нам сблизиться! Если Зоя прежде, в самом начале нашего брака, была скованной, боялась показать свои чувства, казалась зажатой и какой-то затравленной, то спустя какое-то время она раскрылась нам с Аликом совершенно с другой стороны. Оказывается, она прекрасно, заразительно смеялась, до слез, до икоты. Кроме того, проявился и ее материнский инстинкт, и всю свою материнскую нежность и ласку она направила на моего осиротевшего после смерти Нины Алика. Пусть он был уже взрослым парнем, все равно мне было приятно наблюдать за тем, как она заботилась о нем, как старалась угодить ему, помочь, накормить. Знаю, что часть денег, которые я давал ей на ее личные расходы, она тратила на Алика. Покупала ему рубашки, какие-то вещи или же просто давала деньги. А уж если Алик заболел, лучшей сиделки, чем Зоя, было трудно себе представить. В один из таких периодов, когда у Алика был грипп и Зоя лечила его народными средствами, он подсказал ей, что есть такая штука – Интернет, с помощью которого она может не только узнать, какие существуют антибиотики, но и заказать лекарство в аптеке, и ей принесут его на дом... Я лично слышал, как терпеливо, с какой мягкостью мой обычно нервный и порывистый сын объясняет Зое на пальцах, что такое Интернет и с чем его едят. Мне тогда было даже стыдно, что это именно он, а не я, ее муж, делаю это. Зоя оказалась талантливой ученицей, и вскоре компьютер и Интернет прочно вошли в жизнь моей новой жены.

Понятное дело, что я постоянно сравнивал свою покойную жену Нину с Зоей. Боже, как же они не походили одна на другую, это были совершенно противоположные типы женщин! Нина – холодноватая, консервативная и очень серьезная, для нее внешний порядок вещей является смыслом всей жизни. Зоя же – сгусток волшебной энергии, страстная, живая и жизнерадостная, с пытливым умом, способная сочетать в себе эмоциональность, жажду новых ощущений и некий сумбур в мыслях с опять-таки внешним порядком среди вещей. Объединяло же их то, что обе эти стройные брюнетки были по-своему преданы нам с Аликом, заботились о нас и содержали в полном порядке наш дом и хозяйство.

Поначалу, понимая, какая Зоя увлекающаяся натура, поэтому она не сможет не попасть под влияние компьютерных соблазнов, я предположил, что она не сумеет уделять мне столько времени, сколько бы мне хотелось. И поначалу так все и было. Она живой человек, поэтому

в первое время, открыв для себя какую-то невинную «бродилку» с чародеями, воинами и волшебниками, она сутками могла стрелять из лука или арбалета, уничтожая пауков, змей или зомбированных мертвецов, затем, немного остыв или насытившись игрой, она переметнулась в мир шпионов, пистолетов и гоночных автомобилей... Параллельно с этим она продолжала осваивать свою новую машину, изучала вместе с Аликом различные маршруты, запоминала дорожные знаки, училась парковаться, менять колеса...

Однако невозможно было бесконечно делать вид, что ничего не происходит: мы оба страдали из-за моего мужского бессилия. Я – понятное дело, потому что здесь была моя вина, Зоя же – считая, что не вызывает во мне желания. Говорить откровенно с ней на эту тему я не мог. Я бы сгорел от стыда, превратился бы в горстку пепла. Поэтому я решил обратиться к профессионалам, точнее, к одному из них, неулыбчивому бритоголовому пузану в клубном костюме оливкового цвета, – сексопатологу по фамилии Тришкин. Краснея и потея, при этом утопая по уши в глубоком мягком кресле, таком же мягком, как и та значимая часть моего тела, из-за которой я и записался на прием, я рассказал ему, развалившемуся на своем рабочем месте с видом человека, у которого все в порядке, о своей беде и вдруг понял, что совершил ошибку, доверившись ему. Ну не может человек с таким каменным лицом кому-либо помочь! Даже старушке перейти дорогу он не сможет помочь – убьет бабушку одним лишь своим мертвым взглядом. Поэтому я, не договорив, встал и почти бегом выскочил из кабинета, моля бога только об одном – не столкнуться в стенах этой известной частной клиники с кем-нибудь из своих знакомых...

События следующего дня неожиданным образом заставили меня взглянуть на мою проблему совершенно другими глазами!

У Кати, моей лаборантки, был день рождения. Она принесла запечатанную фольгой большую тарелку с жареной щукой, салат с крабовыми палочками, вино и торт. Праздновали вечером, и этот праздник совпал с хорошими рабочими результатами, полученными в этот день после обеда. Все были в приподнятом настроении, женщины ходили, сверкая глазами и покачивая бедрами (или мне в тот день это только казалось?), и вообще вся наша лаборатория напоминала мне картинку, с которой кто-то заботливо вытер пыль, отчего все краски заиграли чисто и свежо. Щука была великолепна, я съел несколько кусков, не переставая нахваливать кулинарные способности Кати. Думаю, я сказал не так уж мало хороших слов и в адрес самой Кати, потому что она, начиная с какого-то момента, стала вдруг пунцовой и смотрела на меня такими глазами, как смотрит женщина, которая ждет от мужчины чего-то большего, чем просто комплименты. Да и со мной тоже происходило что-то странное, мое веселье требовало какого-то выхода. Не знаю, как я умыкнул свою лаборантку в подсобку, где уборщицы хранят свои щетки и ведра, и вот там, в темноте, тяжело дыша, с отключенным мозгом и желая исключительно довести начатое до конца, я овладел ею. Хотя для этого действия больше подошло бы какое-нибудь более грубое народное, сочное словцо – уж слишком все было примитивно, поскотски.

Нет, я не ханжа, я все понимаю, и, как мне думается, у меня нормальные чувства. И прежде у меня никогда не возникало (тем более по отношению к Кате, с которой я работал бок о бок несколько лет) подобного желания. Разве что во сне, когда я бывал самым собой и никому реально не мог причинить зла. Кате же я причинил это зло, мгновенно от этого процесса протрезвев, и окончательно пришел в себя уже в коридоре, когда вышел из подсобки, пошатываясь и не зная, что мне теперь делать и как себя вести. В сущности, окажись на ее месте проворная и коварная деваха из тех, кто промышляет определенным бизнесом, ей ничего не стоило бы пригрозить разрушить всю мою карьеру, да и жизнь – в одночасье. Одно заявление в полицию об изнасиловании – и меня нет. И попробуй докажи, что она весь вечер смотрела на меня призывным взглядом и, по сути, спровоцировала меня, а не наоборот, и в подсобку пошла сама, по своей воле, часто постукивая каблучками по звонкому полу, и это моя рука

была захвачена в плен ее горячей ладошкой... Потом, вспоминая подробности этого безумия, я понял, что Катя привела меня в эту подсобку не случайно: она точно знала, куда меня вести, – ведь как иначе объяснить, что она открыла дверь ключом? Откуда у нее этот ключ? Значит, она заранее раздобыла его, припасла, чтобы воспользоваться в нужный момент. Не думаю, что Катя подготовилась заранее, нет, я больше чем уверен, что она часто использовала эту подсобку, конуру эту, для встреч с другими своими любовниками, но, повторяю, все эти мысли посетили меня гораздо позже, когда я, вернувшись домой и приняв душ, лег в постель и обнял свою молодую жену Зою. Обнимая ее и чувствуя себя при этом самым последним подлецом, негодяем, предателем и вообще преступником, я готов был заскулить, уткнувшись лицом в ее затылок, зарывшись в ее шелковистые, пахшие шампунем волосы. Но вместо этого я шептал ей в спину какие-то приятные для ее слуха слова о любви, о нежности. Я любил ее, очень любил и страдал от невозможности сделать с ней все то, что вытворял пару часов назад с Катей.

9. Зоя

Сны иногда каким-то удивительным образом повторяют, правда, в совершенно искаженном, фантастическом виде сцены из реальной жизни. В моем воображении существует даже некий город, причем один и тот же, нереальный город, несущий в себе элементы тех мест – улочек, подъездов, офисов, квартир, магазинов и даже железнодорожных вокзалов, – где я когда-то бывала. Где-то в центре этого города имеется здание мэрии, я откуда-то это знаю, есть там и магазины, стоят даже странные, подслеповатые кирпичные дома, куда мои сны загоняют меня в поисках острых ощущений. И эти полные настоящего разврата и вседозволенности сны (причем я всегда точно знаю, что мне все это снится, поэтому мне там не стыдно) похожи один на другой. Я вхожу в полутемный подъезд, поднимаюсь по низким ступеням и толкаю любую из дверей: ищу мужчину. Как убийца-маньяк ищет свою жертву (так мне, во всяком случае, кажется), так и я ищу мужчину, которому хочу отдаться или даже заставить его взять меня. Это постыдные сны, и снятся они мне очень редко, и, просыпаясь, я каждый раз спрашиваю себя: откуда вдруг эти сильнейшие желания, словно во мне сидит настоящий зверь?! Самка. В обыденной жизни я другая, спокойная, и единственное, чего мне надо от мужчины, – это внимание и ласка. Вероятно, в каждом человеке спит (крепко спит или просто тихо дремлет) сексуальность, и просыпается она, когда ей заблагорассудится или, логичнее предположить, когда телу необходима физическая любовь.

В отношении Гриши мне долго не хотелось признаваться себе в том, что у нас есть проблемы. В суматохе налаживания новой жизни, в какой-то радостно-праздничной эйфории обрушившегося на мою голову счастья я старалась не обращать внимания на то, как сильное чувство Гриши, его благоговение передо мной и болезненный восторг сказываются на физической стороне наших отношений. Казалось, что он так любит, так желает меня, что при самом, казалось бы, невинном прикосновении ко мне его лихорадит – от счастья ли, от страха ли опозориться передо мной, и в такие минуты мне страшно за него, страшно, что от перенапряжения, от нервов у него сию минуту остановится сердце и мужчина, которого я люблю, перестанет дышать.

Не искушенный в любви, но жаждущий этой любви, он каждый раз так волновался перед близостью, что мне становилось его жаль. Я обнимала его, гладила по голове и говорила на ухо разные милые слова, чтобы поддержать его, успокоить. Шли месяцы, и со временем я научилась таким образом выстраивать наши вечера, чтобы мы засыпали, либо утомленные повседневными делами, либо досматривая какой-нибудь фильм, чтобы наш сон выглядел естественным продолжением долгого дня. В теплые вечера я старалась допоздна гулять с Гришей в расположенном поблизости от нас парке, еще мы часто ходили в театр, в филармонию. Мне казалось тогда, что я, иницируя эти культурные вечера, убиваю сразу двух зайцев. Во-первых, стараюсь увлечь Гришу и утомить его перед сном, во-вторых, мы не мозолим глаза Алику, который, как мне тогда казалось, продолжал тихо ненавидеть меня, а потому страдал. Я предлагала Грише разъехаться с Аликом, купить ему квартиру, ведь он же совсем взрослый, и у него, я знала, уже были девушки, с которыми он встречался. Гриша поговорил с сыном, но Алик наотрез отказался от этого предложения, причем никак не мотивируя свое нежелание жить отдельно. С тихим ужасом я думала о том, что ему доставляет садистское наслаждение следить за нами, за мной, сравнивая, вероятно, меня ежеминутно с покойной матерью. Сколько раз я хотела с ним поговорить по душам, спросить его, что мне делать, чтобы он не страдал и принял брак отца и желание Гриши начать новую жизнь. В сущности, каждый человек имеет право на счастье. Но я так и не решилась на этот откровенный разговор. Когда же я чувствовала, что обстановка накаляется, что Алик смотрит на меня как-то странно, словно готовится нанести удар, собирается сказать что-то резкое, обидеть меня или оскорбить, я тотчас пряталась.

лась либо в спальне, куда, как я знала, он никогда не войдет и даже не постучит (в силу своего воспитания, я думаю), или же вообще уходила из дома, гуляла, ходила по магазинам, словом, убивала время до возвращения Григория. Понятное дело, что с Гришей я старалась никогда не говорить о своих переживаниях, связанных с Аликом, я не хотела расстраивать мужа. Думаю, со стороны наша семья выглядела вполне дружной, поскольку скандалов, криков, ссор с выяснениями отношений у нас никогда не случалось. Я была благодарна Грише и его покойной жене за то, что они воспитали такого терпеливого и вежливого мальчика.

Надежда на то, что у нас с Аликом наладятся отношения, у меня появилась неожиданно, и связана она была с большим событием в моей жизни. Гриша на день рождения подарил мне машину! Прекрасную дорогую машину, «Мерседес», – сунул ключи в мою руку и, смущаясь, проговорил, сильно краснея и не зная, куда спрятать руки: вот, мол, Зоенька, это мой подарок тебе, учись ездить, и будешь свободна, как птица. Это было осенью, в октябре, шел дождь, и над городом нависли темно-фиолетовые холодные тучи. В нашем дворе все вокруг было желтым от упавших на землю кленовых листьев. Большая черная мокрая машина смотрела на меня глазами-фарами как живое существо, готовое услужить мне. Я сразу поняла, что мы с ней подружимся, хотя понятия не имела, сумею ли я водить, научусь ли чувствовать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.